

Анна Гольден

18+

ЧЕТЫРЕ ГИТАРЫ

Анна Гольден

Четыре гитары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42831992

ISBN 9785449696694

Аннотация

В свои 27 лет Карина Шнайдер может похвастаться многим: творческой работой, высоким заработком, собственным жильём и целеустремленностью, не знающей преград. Чем не повод жить в своё удовольствие, поддерживая имидж карьеристки, сердце которой не равнодушно лишь к эстетике дизайнерских интерьеров? Однако непоколебимая уверенность девушки рушится словно карточный домик после случайной встречи в баре со старым знакомым из университета...

Содержание

1	5
2	42
3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Четыре гитары

Анна Гольден

Дизайнер обложки Юлия Голуб

© Анна Гольден, 2020

© Юлия Голуб, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4496-9669-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

На дне ярко-розовой кружки с витиеватым логотипом компании «Simply your home» совсем немного кофе. Буквально глоток или два живительной силы американо, и я обречена на работу до утра без персонального зарядного устройства. Я с недовольным видом трясую чашку, словно от этого она каким-то волшебным образом наполнится до краев, и залпом выпиваю остывшие остатки. Наша кофемашина сломалась накануне новогодних праздников – в крайний рабочий день никто из коллег, в частности офисменеджер Люба, не озаботились покупкой нового аппарата, либо ремонтом старого. Все суетились с подарками, звенели бокалами с шампанским, хохотали, предвкушали долгожданные каникулы. Едва на часах загорелось 17.00, как наши офисы опустели. Даже мой помощник по работе с клиентами Егор, который не прочь оставаться сверхурочно, и тот помахал мне ручкой в начале шестого – вспоминай, как звали до десятого января. И не важно, выполнены ли текущие задачи или нет.

Меня раздражает такое отношение к работе. Едва отгремели праздничные салюты, и я немного поспала после пригорной бутылочки игристого под безвкусный «Голубой огонёк», как я стремглав помчалась на работу, подбивать документы по последним проектам. Я сижу над ними уже вто-

рую ночь: перед глазами пляшут канкан цифры, буквы, чужие подписи и куча печатей. У меня не очень хорошо с бухгалтерией, и работа идёт слишком медленно. Помимо этого у меня ворох собственных дел, которые нельзя откладывать в долгий ящик. Отдел бухгалтерии и юристов не покажется в офисе раньше конца праздников, а для меня очень поджимают сроки. Мои клиенты, а так же сторонние компании, с которыми мы сотрудничаем по закупке мебели, стройматериалов и найму персонала, не будут ждать закрывающие документы и оплату счётов так долго. Марина из салона деревянной мебели «Лорен» тактично позвонила мне 31 декабря и не только поздравила с праздником, но и намекнула, что мы не оплатили партию столов и высоких табуретов для студии тату-салона, над которой я работала в декабре. А хорошо бы, чтобы мы перевели деньги и выслали документы как можно скорее.

За вчерашний день я успешно закрыла счета по двум проектам – на сегодня поставила себе задачу расправиться с остальными хвостами и продолжить заниматься квартирой Марка Гольденберга, моего нового сложного клиента, а так же начать думать над новым проектом небольшого городского кафе. Я даже не видела помещения, с которым мне предстоит работать, а ведь я раньше никогда не занималась дизайном ресторанов. Насколько мне известно, там особо не разгуляешься из-за пожарной безопасности и их многочисленных ограничений. Мне бы не помешало нанять

себе консультанта, чтобы лучше ориентироваться на местности и не предлагать совсем уж неподходящие варианты. Но на всё это – нет времени. И кофе – кофе тоже больше нет.

На часах начало второго, и я уже зеваю. Постоянно протираю лицо влажной салфеткой с резким запахом мяты, чтобы избавиться от сонливости. Настроить себя на рабочий лад не получается из-за беспорядка в кабинете. Письменный стол завален нужными и ненужными распечатками, каталогами, образцами ткани и обоев. У монитора – покрывшиеся пылью бумажные стаканчики из-под кофе. Как я не стараюсь привести рабочее место в порядок, уборки хватает максимум на пару часов. Несколько мозговых штурмов над проектом и стол опять, словно грибами, зарастает рабочими материалами. Пользуясь тем, что в офисе никого нет, я перебралась на пол, прислонившись спиной к стене и подложив под себя небольшую диванную подушку, обложилась документами и калькуляторами и вот уже битый час подбиваю финансовые доходы и расходы компании. Куча цифр и баснословных сумм. Опять зеваю и по привычке тянусь к пустой кружке. Не спать, Карина.

Включаю на ноутбуке музыку: немного альтернативного рока не помешает скучным бумагам. Под энергичных парней из «The Killers» дело явно ладится, и я стучу по клавиатуре с большим энтузиазмом. Сквозь гитарные аккорды улавливаю негромкую мелодию с рабочего мобильного. Звонит бригадир, который сейчас отвечает за квартиру балери-

ны Большого театра, которую мы должны сдать к Рождеству. Мне не нравится его поздний звонок. Я делаю музыку чуть потише и отвечаю.

– Карина, добрый вечер. Это Олег. Тут у нас проблема с проводкой. Если в общих чертах, то не получается подвести свет, потому что мы немного накосячили с главной стеной, – бригадир старательно подбирает слова, пытаясь донести до меня мысль, что он последний олень на земле. – В общем, придётся снимать краску, кое-что перепрокладывать, и как итог – у нас не получается к шестому числу.

– Олег! Что значит, не получается? – недовольно кричу я в трубку. Внезапный прилив гнева бодрит меня лучше двух эспрессо. – Неужели там всё настолько безнадёжно, что нужно переделывать стену? Пришлите мне фотографии и отметьте, в чём там проблема, я попробую придумать что-то дистанционно! Если не получится, я буду у вас в течение получаса.

В ожидании снимков я стараюсь убедить себя в том, что Олег и его парни просто устали, и с проектом не возникло непредвиденных сложностей. Но от бригадира приходят ужасные снимки: однозначно, нужно спасать положение. Я быстро отписываюсь Олегу, чтобы не отпускал парней, швыряю бумаги в сумку и мчусь на парковку. Внезапный звонок растормошил меня, но боюсь, что эффект будет хоть и сильным, но кратковременным. Пока автомобиль греется и готовится к ночной поездке по новогодней Москве, я

ищу через приложение ближайшие круглосуточные кофейни. К счастью, в центре нет проблем с доступным 24/7 кофе. Я увеличиваю звук на магнитоле и уверенно выкруливаю по намеченному маршруту.

Ездить по ночной Москве одно удовольствие. Зимний город переливается новогодними иллюминациями и искрит, как праздничная ёлка. Многочисленные магазины и рестораны ярко отдекорировали свои вывески и витрины. Некоторые даже выставили на улицу новогодние ёлочки, облачив их в яркую мишуру и мигающую гирлянду. Я чуть сбрасываю скорость, чтобы немного зацепиться за них взглядом и получше рассмотреть – но не стоит надолго отвлекаться от дороги. В этой суете дел хочется нажать на паузу и насладиться атмосферой праздничной сказки, но моя реальность совсем иная. А именно – ехать в половине второго ночи почти на другой конец Москвы и принимать оперативные решения по спасению роскошной пятикомнатной квартиры балерины Рождественской. У меня начинается невроз: боюсь, что придётся провозиться там до утра! И речи быть не может, чтобы мы не успели к дедлайну. Я проела бригадиру всю плешь, чтобы его рабочие закончили все шумные работы до праздников, а после Нового года занялись косметикой – из-за какой-то ерунды мой проект не потерпит полное фиаско!

По пути до Рождественской я заезжаю за парой стаканов американо. Крепкий запах арабики заполняет салон машины. В такт играющей на магнитоле песни «Franz Ferdinand» –

«Love illumination» я с ветерком доезжаю до места назначения: любимая песня бодрит меня. Пользуясь тем, что меня никто не слышит, подпеваю, что есть силы. Мой голос, от природы вроде бы женственный и мягкий, совершенно не мелодичен, и стоит мне запеть, как он превращается в хриплый сип больной кошки.

«Sweet, sweet love», — чуть ли не кричу я под энергичный гитарный аккомпанемент, роясь в бардачке в поисках нужной связки ключей. В моей машине обычно валяется не менее восьми комплектов: в зависимости от количества проектов, которые я курирую в данный отрезок времени. Выуживаю из бардачка всё необходимое, в том числе и нужные ключи и, оказавшись на морозной улице, быстро перекуриваю, трясясь не то от холода, не то от волнения. Совершенно исключено, чтобы мы за три дня до сдачи проекта начали что-то хаотично переделывать! Я долго собираюсь с мыслями, прежде чем подняться в квартиру, пытаюсь на ходу справиться с неуёмной дрожью в руках.

Олег открывает после первого звонка: из глубины квартиры доносится приглушённая ругань рабочих. Я натягиваю на замшевые сапоги бахилы, бросаю шубу на комод и торопливо иду в гостиную, кидая быстрые взгляды на проделанную работу. Отличный коридор: пороги ровные, картину надо повесить ровнее, зеркало протереть от пыли, а вот рама в Интернете выглядела дороже – надо заменить её. Приостанавливаюсь около гардероба и заглядываю внутрь пустого

массивного шкафа из тёмного дуба: так и знала, что его никто не отмыл от опилок и строительной пыли. Внутри стоит затхлый запах, от которого моментально саднит в горле. Я коротко передаю Олегу все замечания и прошу пригласить сюда уборщицу, чтобы та начинала всё как следует отмывать. Олег торопливо кивает, но, кажется, даже не слушает, что я ему говорю.

– Олег, повторите, что нужно сделать завтра? – требовательно спрашиваю я, недовольно скрестив руки на груди.

– Ну, картину помыть, добавить крючки в ванну, половик постелить при входе...

– Олег! – я поджимаю губы и с трудом сдерживаюсь, чтобы не перейти на крик. – Всё неправильно! Не считите за труд взять блокнот и всё записать. Я не буду повторять два раза. И попросите своих рабочих нормально выразаться, их мат действует мне на нервы.

– Мои рабочие не спали целые сутки. Карина, пойдёте, быстренько решим вопрос с проводкой, и я отпущу смену домой...

– Никаких «быстренько», – я перебиваю бригадира и бросаю в сторону гостиной предостерегающий взгляд. – Все будут работать столько, сколько нужно.

– Вы на часы смотрели? У них смена до полуночи.

– Да, а вы на часы смотрели, когда мне звонили? – я недовольно щурю глаза и поджимаю губы. – Как будто я рада была узнать от вас в начале второго ночи, что вы что-то там за-

пороли. Пойдёмте, глянем, что там.

Как я и думала, дела были плохи. Всю техническую проводку рабочие вывели не на ту стену, которая была обозначена в плане. Радует, что молдаване Олега работают очень аккуратно: ровно подбитый плинтус, идеально белый потолок, отличная отделка стен. Не придраться. Я смотрю на план расстановки мебели и начинаю быстрый мозговой штурм. Делаю пару карандашных набросков: попробую поиграть с перестановкой мебели, но боюсь, что это упростит вид комнаты. В своё время я провела ни один час за визуализацией, чтобы максимально выигрышно использовать это большое помещение. Олег переминается с ноги на ногу, что раздражает меня: прошу его оставить меня в покое минут на пятнадцать. Не люблю, когда стоят над душой и заглядывают через плечо. Поэтому в офисе я ультимативно настояла на своем, чтобы мне выделили отдельный кабинет – даже своих помощников, Егора и Катю, я выгнала оттуда: эта молодёжь чрезмерно увлекается пустыми разговорами.

Бегло просматриваю на телефоне рабочие заметки и порывисто черкаю на чистом листе новые варианты. Кресло и журнальный столик установить около камина? Тогда не получится пить утренний кофе, глядя на роскошный вид из окна на набережную. А если разместить книжный стеллаж под углом? Тогда комната потеряет целый метр пространства. Я рисую один вариант за другим, ругаясь на себя и бестолкового Олега. Вы только послушайте, эти парни ещё смеют го-

ворить обо мне в таком тоне и такими словами! Я закрываю дверь, чтобы полностью изолировать себя от мата, с которым так или иначе переплетается моё имя, и делаю глоток кофе. Ощувив внутри себя живительную силу кофеину, я начинаю работать более слаженно и точно, как автомобиль, которому до упора заправили бак.

Рисую схематичный камин, кресло, маленький аквариум, кручу скетчбук вверх и вниз, пока, наконец, в голове не рождается идея сделать в этой огромной комнате перегородку. Она даст возможность переставить мебель таким образом, что не придётся переделывать стены и перепрокладывать провода. Ширма спасает весь проект! Я делаю финальные изменения в перестановке, помечаю ещё пару дополнительных мест для розеток и радостно зову Олега.

– Олег! Я всё придумала. Вот здесь, – я рисую на листе маленькую линию. – Мы установим ширму. Ширму я завтра куплю. Она будет из тёмного дуба с резьбой и золотистыми элементами. Не будет смотреться дёшево и по стилистике продолжит настроение комнаты. Диван мы переставляем поближе к стене, камин устанавливаем вот здесь, всё остальное понятно на моём плане. Работаете вы по этому рисунку. Всё ясно?

– Да, Карина. Всё ясно. Мы можем начать делать это всё завтра с утра? Парни устали и готовы бросить всё и уйти.

– Зовите их сюда, – требовательно велю я, слегка повеселев оттого, что смогла решить проблему минимальными уси-

лиями. – Мне не нужен бунт на корабле за три дня до сдачи проекта.

– Карина, вы время видели? – самый плечистый и старший на вид рабочий начинает качать права прямо с порога. В нос ударяет отвратительный запах пота и дешёвых сигарет, и я торопливо открываю форточку, чтобы не задохнуться. – Мы и так застряли здесь больше, чем нужно! – он снова начинается ругаться матом, на что я пренебрежительно поднимаю бровь и терпеливо жду, когда поток брани иссякнет. – Дамочка, перестаньте обезьянничать! Ваши ужимки нам не интересны! Я сейчас же разверну парней, и вы будете тут ползать с Олегом в своей дорогой шубке и заканчивать ремонт без нас.

– Смените тон, – недовольно говорю я. – Ваше право сейчас уйти и всё бросить, но в таком случае, наша компания откажется платить вам гонорар, так как работу вы не сдали. Как вас зовут, напомните?

– Максим, – угрожающе бурчит громила, протирая лоб грязной кепкой.

– Итак, Максим. И вы, – я обращаюсь к остальным рабочим, которые смотрят на меня так, словно я уже кинула их на деньги. – Прodelали замечательную работу. Ремонт просто роскошный, и я очень довольна. Думаю, балерина Большого театра, София Рождественская, которая будет здесь жить со своей семьёй, непременно оценит ваш труд. И, конечно же, будет рекомендовать нашу компанию своим знако-

мым. И, конечно же, я, как ведущий дизайнер компании, буду привлекать вас в другие дорогостоящие проекты, – я произношу слово «дорогостоящие» чуть громче и выдерживаю небольшую паузу. – Но понимаете, будет очень обидно, если вы бросите сейчас всё, как есть. Очень обидно. И вам, и мне, и нашей заказчице. Но, как вы выразились, мне не составит труда поползть здесь три дня и закончить все мелкие нюансы, в то время как вас не хотелось бы оставлять без денег, – я снова выдерживаю театральную паузу. Станиславский бы аплодировал мне стоя. – Поэтому, давайте не будем раздувать из мухи слона. Мы оплатим вам все переработки, а сейчас я обсужу с Олегом все нюансы, которые вы за оставшиеся три дня спокойно доделаете. И кстати, о переработках: вы задержались сегодня не по моей прихоти, а потому что неправильно проложили проводку в стене. Мне пришлось ехать к вам с другого конца Москвы в час ночи, но как видите, я не стала делать из этого проблему. Сейчас можете быть свободными, – диктаторским тоном заканчиваю я, радуясь, что смогла довести эту патетическую речь до конца и ни разу не запнуться. – На работу завтра приезжайте к одиннадцати часам. Вам хватит времени выспаться?

В ответ раздаётся полифония мужских голосов, из которого выделяются «спасибо», «да без проблем», «чего это мы, в самом деле». Максим насуплено кивает мне, давая понять, что мы обо всем договорились, и рабочие уходят собираться домой. Удушливый запах пота покидает комнату вместе

с ними, и я облегченно выдыхаю.

– Карина, что вы ещё хотите обсудить? – обреченно интересуется Олег.

– Я хочу пройтись по оставшимся комнатам и посмотреть, что нуждается в корректировке. Что касается ванны, коридора и гостиной мы всё обсудили. Возьмите, пожалуйста, что-то для записи, чтобы вы все зафиксировали.

Олег меня почти ненавидит, но покорно таскается за мной и выслушивает все замечания, сдавливая в себе потуги зевнуть или послать меня куда подальше. Он делает это не потому, что безумно любит свою работу и горит всеми этими ремонтами, как я, вовсе нет. Когда мы сдадим проект, он получит внушительный гонорар и хорошие рекомендации. В нашем бизнесе слишком много конкурентов: слишком много талантливых и трудолюбивых парней и девушек, чтобы так наплеватьски относиться к работе и заказам. Из-за этого мне не нравится работать с Олегом, и скорее всего, квартиру Гольденберга я буду делать с кем-то другим.

Я монотонно диктую бригадиру перечень дел на завтра, в то время как себе ставлю напоминание в телефоне, чтобы не забыть про ширму. Олег очередной раз пытается не зевнуть, я делаю глоток холодного кофе из второго стаканчика и продолжаю бесконечный монолог об отделке керамического фартука на кухне.

Точное время, три часа восемь минут.

– Карина, скажите, у вас есть молодой человек? – в ка-

кой-то момент перебивает меня Олег, отчего я обескуражено умолкаю. Меня настолько вводит в ступор его неожиданный вопрос, что я мгновенно теряю нить повествования.

– Олег, извините, я не завожу отношения на работе. Профессиональная этика не позволяет.

– Я не к тому, – спокойно отвечает парень, подавив едкий смешок. – Я женат, у меня недавно родилась дочь, и я не планирую приглашать вас на свидание. Просто ответьте на вопрос.

– Нет. Я не состою ни с кем в личных отношениях.

Олег шумно вздыхает и улыбается с таким видом, словно ожидал услышать именно такой ответ.

– Собственно, как я и думал. Иначе бы стала молодая девушка, вроде вас, мотаться на работу ночью и слушать всю эту строительную ругань в свой адрес?

– Это часть моей работы. Я знала, на что шла, когда устроилась на эту должность, – я равнодушно пожимаю плечами, мгновенно успокоившись, что угроза неудобного флирта миновала.

– Вам нужно замуж, Карина. Серьёзно. Вы настолько одиноки и так много работаете, что скоро женитесь на своей работе. Желаю вам в новом году обрести свое личное счастье и найти свою любовь. А сейчас извините, я больше не могу вас слушать. Я еду домой, к своей семье. Могу вас подвезти, но вы вроде за рулём.

– Да, я на машине, – недовольно отзываюсь я. Вот гад, как

он ловко манипулирует мной! – Олег, с чего вы взяли, что мне нужно замуж? У меня прекрасная жизнь, и я ей довольна.

– Взгляд у вас одинокий, – отвечает Олег, застегивая на ходу куртку из тёмной грубой овчины. – Когда найдёте своего идеального мужчину, то поймёте, что все эти поездки и проблемы с розетками – такая ерунда, и они не стоят ваших переживаний. Доброй ночи!

– Доброй ночи, – прощаюсь я, и бригадир уходит, громко хлопнув дверью.

Олег оставляет меня в полной растерянности. Неприятный ступор проходит у меня, лишь когда я оказываюсь на холодной ночной улице. Я завожу машину, и пока моя новенькая красная «Ауди» готовится к дороге домой, размышляю над его словами за сигаретой. Как я не люблю вот таких непрошенных советов от кого не попадая: как будто я не знаю, что мне делать со своей жизнью и прошу помочь мне разобраться в себе. Я определенно знаю, чего хочу добиться в ближайшие годы, и замужество в эти планы не входит!

Почему общественное мнение считает, что если женщина не хочет замуж и не планирует заводить детей, то это её личностный дефект, от которого нужно избавиться? Почему человек не может быть самодостаточен сам по себе и жить полноценной интересной жизнью, не имея при этом пары? Разве счастье только в том, чтобы с кем-то состоять в отно-

шениях?

Моё счастье – это моя работа и мой успех, которого я добилась. Я получаю колоссальный прилив адреналина, когда я не сплю сутками и выживаю на одном кофеине, но с блеском сдаю проект и получаю гонорар с впечатляющим рядом нулей. Конечно, иногда я чувствую себя совершенно разбитой и обессилевшей, но мне хватает всего пары дней, чтобы восстановиться. Разумеется, я не робот: человеческая природа требует, чтобы я высыпалась и регулярно ела, иначе нагрянут физические и психологические расстройства, и на горизонте замаячит больница. В этом плане я стараюсь не перебарщивать с переработками, но всё равно такой ненормальный образ жизни просто создан для меня! Имей я на руках детей и мужа, куда бы я сорвалась так посреди ночи?

Не понимаю женщин, которые чуть ли не шантажом заставляют своих парней на себе жениться. Смотрю я на свою подругу: Лара наполнена отчаяньем до краев, и её печаль скоро выйдет из берегов волной безнадежности. Она исколесила многочисленные сайты знакомств и перетрясла всех своих друзей и подруг, чтобы те познакомили её с кем-то приличным. Как же это всё-таки наивно – считать, что твоё счастье зависит прямым образом от того, есть ли у тебя кольцо на безымянном пальце или нет.

Из-за этого я год или два назад перестала покупать женские журналы: надоели советы и наставления, где встретить мужчину своей мечты, и на каком свидании нужно с ним

спать. Не звоните ему первой. Не пишите первой после вашего с ним свидания – вообще забудьте, где и с кем вы были. Не показывайте свою заинтересованность: мужчина должен вылавливать вас среди потока ваших дел. Обязательно дайте ему понять, что у вас помимо него ещё много важных хобби, дел и забот. Не соглашайтесь на свидание в последнюю очередь. Звонок в час ночи с предложением приехать в гости? Вас держат за девушку легкого поведения. Не надевайте короткие юбки, спрячьте от всех своё красивое молодое тело, а яркие помады отдайте младшим сестрам. А лучше выкиньте.

Как же я рада, что меня не волнует вся эта ерунда, и желание (или нежелание) нравиться мужчинам не влияет на мой стиль одежды и образ жизни. Как же я рада, что всё это маркетинговое промывание мозгов бессильно по отношению ко мне. Как же я рада, что среди своих знакомых я завоевала репутацию сильной самодостаточной женщины, которую перестали дёргать неудобными вопросами «Карина, когда ты уже выйдешь замуж?». Слава богу, что даже Лара оставила меня в покое со своими остротами и перестала давать неуместные советы.

Скептические мысли занимают меня всю дорогу до дома. Время близится к четырем часам утра: нужно немного поспать. Завожу будильник на десять, чтобы без промедления продолжить работу с документами и поискать ширму. Я быстро принимаю душ и растягиваюсь на диване в гости-

ной, свернувшись калачиком под шерстяным дымчато-серым пледом крупной вязки. Часто ночью не в спальне, когда на утро предстоит сделать много работы: это помогает мне держать себя в тонусе. Я ставлю на зарядку компьютер и рабочий телефон, а второй сотовый, купленный для редкого личного пользования, оставляю в сумке.

Я закрываю глаза и пытаюсь заснуть, но выпитый на ночь кофе понимает, что его звёздный час настал. Я ворочаюсь час или два, прежде чем мне удаётся расслабиться и провалиться в тяжёлый сон. Просыпаюсь я около полудня от того, что кто-то назойливо названивает мне раз за разом. Рука неохотно вылезает из-под тёплого пледа и нащупывает вибрирующий телефон, исполняющий на всю квартиру весёлый хит группы «Rolling Stones» – «Paint it black».

– Доброе утро, – стараясь скрыть сонливость в голосе, как можно бодрее отвечаю я.

– Ничего себе, доброе утро, время-то почти обеденное! – смеётся на том конце провода мой генеральный директор Семён Игоревич – замечательный человек, у которого никогда не бывает плохого настроения. Позитивный голос руководителя заставляет меня разве что не выпрыгнуть из кровати: я что, проспала что-то важное? Мне надо куда-то ехать, и меня все ждут на важном совещании? Я начинаю носиться как подстреленная в пятую точку куропатка, пока Семён Игоревич продолжает моё позитивное утреннее пробуждение: – Карина, с Новым годом тебя! Чувствуется по твоему голосу,

что ты наконец-то позволила себе немного отдыха!

– Нет-нет, я в четыре часа утра вернулась домой из квартиры Рождественской, после чего два часа не могла уснуть, поэтому встала сегодня так поздно, – я по инерции бегу на кухню и свободной от трубки рукой включаю на кофемашине программу быстрой очистки.

– Там всё в порядке?

– Конечно!

– А что ты делала там в такое позднее время?

– Ночью позвонил Олег, нужно было оперативно решить несколько вопросов.

– Понятно. А чем ты занималась в офисе минувшей ночью? Я обнаружил улики, указывающие на твоё пребывание там. Диванная подушка валялась на полу рядом с чашкой из-под кофе. И парни на КПП подтвердили, что ты уехала из офиса во втором часу.

– Да, я закрывала документы с оплатами.

– Мне кажется, у нас есть на это отдел бухгалтерии, которому платят приличную зарплату, чтобы у нас вовремя закрывались все счета. Пожалуйста, лиши себя радости заниматься чужой работой. Если там есть срочные оплаты, которые не терпят до десятого января, я позвоню Маргарите, и она решит этот вопрос.

– Да. Нужно закрыть счета по трём компаниям. Остальное я уже сделала.

– Замечательно. Маргарите будет чем заняться, можешь

забыть об этом. А ты закончи с квартирой балерины и не теряй связи с Марком. Знаю, он сложный товарищ, но будет невероятно хорошо, если ты с ним плодотворно посотрудничаешь.

– Так точно, – шутливо отвечаю я. – Спасибо за позитивный звонок.

– Выше нос, Карина. И кстати, лейтенант, я запрещаю тебе появляться в офисе до конца праздников. Меня не волнует, по какой причине тебе нужно будет туда поехать: до десятого числа даже не думай там появляться. Я так и сказал охранникам, чтобы не пропускали тебя и твою машину. Отдохни немного, Карина, сходи на каток, в кино или куда там ходят в твоём возрасте.

– Звучит как угроза, Семён Игоревич! – смеюсь я и ставлю под носик кофемашины большую керамическую чашку. Аппарат заканчивает режим очистки, и я нажимаю кнопку «большой крем-кофе». – Но я вас поняла. Спасибо, что помогли решить вопрос с оплатами. Квартиру Рождественской сдам в срок, а с Марком встречусь, когда он вернётся в Москву.

– Отлично. Хорошего дня, Карина, – на этой ноте мы прощаемся, и я в очередной раз радуюсь тому, как мне повезло с начальством. Сейчас мало кто может похвастаться таким трепетным отношением руководителя к своим подчинённым и такой экологичной корпоративной культурой. Ещё один повод любить свою работу и отдаваться ей полностью.

А тем временем, не смотря на то, что я проспала, у меня образовалась пара свободных часов: если успею решить вопрос с ширмой до вечера, то можно будет скататься до супермаркета и прикупить немного еды для вкусного ужина. Пока я чищу зубы и причесываюсь, кофе-машина варит мой утренний американо, с которого я начну сегодняшней день.

На улице пасмурно, если не сказать, темно. Просторная кухня, ровно, как и вся квартира, кажется из-за этого холодной – в прямом и переносном смысле этого слова. Такой эффект получился из-за того, что я отдала предпочтение серо-бело-чёрной палитре и минималистичному стилю. В такие негожие дни, как сегодня, я ругаю себя за сделанный выбор, но, по большей части, я всё же довольна. Мне нравятся облицованные под белый мрамор стены: они выглядят очень натурально, и невозможно догадаться, что покрытие не каменное. Обожаю фирменные итальянские разделочные столы, шкафчики для хранения посуды, барную стойку с массивной столешницей – всё чёрное, без назойливой декоративной резьбы. Чтобы кухня не выглядела как обитель неформального подростка, всё остальное – начиная от пола заканчивая отделкой окон – сделано в молочно-серых пыльных тонах. В аналогичной пасмурной стилистике выдержана спальня, ванная комната с санузлом, гостиная и небольшой кабинет, который со временем стал кладовкой со всяким старьём. Собственная квартира стоила мне огромных нервов и денег: хорошо, что на стадии покупки мне помогли

родители, и моя долговая яма росла лишь от расходов на ремонтные работы и покупку мебели.

Я ставлю под левую руку чашку с кофе, тарелку горячих сэндвичей и включаю компьютер. Потрясающий новенький MAC, в который я влюбилась пару месяцев назад и купила почти без угрызений совести. Так-то помимо него у меня есть два вполне приличных ноутбука, но они мне не совсем нравятся. У одного слишком маленький экран, а у второго неудобная клавиатура с заедающими кнопками. Я вообще питаю слабость к новым гаджетам: и если и говорить о каких-то чувствах и привязанностях, то могу совершенно точно заявить, что техника и электроника – это моя самая большая любовь. Именитый американский бренд должен поставить мне памятник за преданность: едва в их магазинах появляется какой-нибудь новый дивайс, как он сразу же оказывается у меня дома. Моя коллекция техники настолько внушительна, что даже вполне себе обеспеченная Лара неодобрительно качает головой, считая, что я сорю деньгами.

– Каждый тратит деньги на то, что хочет, – пожалала я плечами в ответ на её укоризненный монолог, что зря я купила себе ещё один планшет. – Я же не говорю тебе, что у тебя и так был красивый нос, и не зачем было что-то в нём менять.

– Мужчины любят мелкие черты лица. И вообще, это молодит, – прогундосила Лара, с несчастным видом поправляя огромную гипсовую повязку на своём лице. Тогда я навещала её в больнице и помогала оклематься после ринопласти-

ки. – Мой врач считает, что я не зря рискнула. Вот увидишь, когда пройдёт отёк, я оглянуться не успею, как буду самой хорошенькой невестой с самым красивым носом.

Вспоминая глубокие синяки на её лице, я лишний раз радуюсь, что мне либо повезло с лицом, либо с самооценкой, либо и с тем и с другим. А ещё один новый планшет в доме никогда не будет лишним.

Я открываю вкладку с Интернетом, начав поиски идеальной ширмы, и для настроения включаю музыку. Люблю лёгкий рок, который не особо отвлекает, но в то же время придаёт делу энергичности. Идеальную ширму я нахожу в мебельном салоне «Флоренция», с которыми мы начали сотрудничать совсем недавно. После оформления и оплаты заказа со мной связывается менеджер службы доставки и охотно соглашается привезти ширму уже сегодня за дополнительную плату. Я оставляю контактный номер Олега для связи, после чего набираю бригадиру.

– Ваши рабочие выпались? Работают? Всё хорошо? – спрашиваю я после того, как бригадиру были даны все ЦУ относительно ширмы и её установки.

– Да, всё отлично, Карина, не волнуйтесь. Уборщицы уже почти всё отмыли, сейчас запрягу их пропылесосить. Все ваши замечания к вечеру будут исправлены. Как получу ширму, позвоню вам.

– Спасибо. Будем на связи, – прощаюсь я и радостно потягиваюсь. Какой замечательный подарок принёс мне сего-

дняшний день: так быстро решить все текущие вопросы! Можно позволить себе принять горячую ванну или немного понежиться в кровати, застряв на каком-нибудь хорошем новогоднем фильме.

Божественно чистая, разморенная горячей водой и укутавшаяся в пушистый махровый халат, я с удовольствием растягиваюсь на огромной кровати, чувствуя, как расслабляются уставшие мышцы спины и ног. Над панорамным окном спальни горит серебристая гирлянда: с ней не так грустно смотреть на голые городские улицы, оставшиеся в нынешний новый год без белоснежной шубки. Лампочки в форме снежинок нежно мерцают и придают комнате дополнительного света и праздничного настроения, которого в эти дни явно не хватает. Полистав каналы, я решаю посмотреть старый отечественный комедийный фильм и с удовольствием погружаюсь в него, наблюдая за развитием событий в одной семье накануне Нового года. Иногда я отвлекаюсь на сообщения, приходящие на рабочий телефон, но, даже не смотря на это, я отдыхаю просто замечательно.

Ближе к вечеру, перекусив и переговорив с Олегом насчёт ширмы и последних деталей, я решаю вернуться к проекту квартиры Марка. Мне очень важно сделать его как можно лучше, потому что в случае успеха я не только получу отличный гонорар, но и смогу претендовать на клиентов более высокого класса, чем те, с которыми работаю сейчас.

Но легко сказать! Не смотря на месяц работы и бессчётное

количество сделанных визуализаций, успехи по этому проекту у меня настолько скромные, что можно сказать, что их нет. Не могу понять, чего хочет заказчик: весь декабрь присылала ему разные варианты, а ему всё не нравится. То слишком по-деревенски, то мрачно, то ему кажется, что я предлагаю ему сделать берлогу закоренелого холостяка или комнату бунтующего подростка. На редких личных встречах я, как могла, пыталась вывести его на личный разговор: надеялась, что он хоть словом обмолвился бы, что он любит, чем он горит и чего ждёт от жизни.

Марку около сорока: он успешно занимается бизнесом, владеет несколькими ресторанами и клубами в Москве, недавно пережил скандальный развод с молодой женой, и сейчас хочет жить так, словно ему снова двадцать. Что-то в его бритой голове, тяжёлом взгляде близко посаженных глаз и тяге к спортивным вещам напоминает мне лихих парней из девяностых. Не удивлюсь, если у него было криминальное прошлое, но это только мои догадки. «Карина, ты молодая, у тебя отличный вкус и достойный послужной список. Сделай мне что-нибудь безбашенное и крутое, в моей жизни мало адреналина и позитивных эмоций. Пусть они будут хотя бы в моей квартире», – это всё, что сказал мне Марк во время нашей первой встречи. И как я не билась и не старалась угодить ему, он всё время отмахивался и говорил, что это не то. «Это понравилось бы моей жене, а я не хочу, чтобы что-то напоминало мне об этой меркантильной курице», –

этот аргумент я слышала от него чаще всего, поэтому лиш- ний раз уяснила для себя, что если любовь и существует, то длится она от силы пару лет. Когда розовые очки разбива- ются, реальность предстает в настоящих цветах: а именно в цветах денежных купюр, за которые жена Марка так силь- но любила своего мужа. Довольно тривиальная для столи- цы история, о которой не упустили случая написать вульгар- ные СМИ. «Красивый холостяк свободен, самки, начинайте охоту», – примерно с таким подтекстом публиковались ста- тьи после их развода. Небольшая апатия моего клиента из- за всего этого только усложняет мне задачу.

Погрузившись в мыслительную деятельность, я делаю се- бе ещё одну чашку кофе: на этот раз капучино, с ложечкой карамельного сиропа. Я открываю вкладку браузера, подкла- дываю к ноутбуку блокнот для записей и приступаю к ра- боте. Но не проходит и часа, как у меня неожиданно про- падает Интернет. Я захожу в настройки подключения к се- ти, но с ними всё в порядке – просто нет сигнала. Минутой или двумя позже за стеной раздаётся характерное сверление дрелью. Очень интересно, кто это затеял ремонтные работы в разгар праздников? Неужели это опять шумят мои соседи – молодая семья с Украины? Я недовольно поджимаю губы и, посмотрев в глазок, высовываюсь из квартиры – они что там, сала переели и совсем с ума посходили?

За стенкой от меня живёт семейная пара из Киева, кото- рые относятся к худшей, с точки зрения соседства, категории

людей – дизайнеры-любители. Они то и дело стучат молотками, двигают мебель, забивают и отдирают гвозди, меняют плинтуса и стеклопакеты – и всё делают сами, не желая нанимать специалистов для более аккуратной и быстрой работы. Олесе и Лёше нравится сам процесс, а результат обычно только хуже предыдущих творческих потуг: то дверь плохо насажена на петли, то обои подклеены криво, то ещё что-нибудь не так. Когда я только переехала, они изъявили дикое желание подружиться со мной, но я быстро открестилась от подобной перспективы, чтобы они не стали привлекать меня к своим жилищным экспериментам. О своём роде занятий я умолчала и соврала, что работаю в банке. Кроме того, их сыновья доводят меня до тихого бешенства своими оглушающими воплями и непрекращающейся игрой в казаков-разбойников. В последние дни за стенкой относительно тихо: наверно, этих ненормальных мальчишек увезли куда-нибудь на праздники, или их наконец-то кто-то придушил.

Насупившись, я требовательно звоню в квартиру. Мне открывает счастливая до безумия светловолосая соседка и приветливо машет молотком – если бы Тор был украинской женщиной, то он выглядел бы именно так. На Олесе – обтягивающая чёрная майка с надписью «Nirvana», короткие джинсовые шорты, подчеркивающие красивые загорелые ноги, длинные светлые волосы собраны в растрёпанный хвост.

– Олеся, добрый вечер. Извините, но на время праздников ремонтные работы запрещены, насколько мне известно.

– Ой, Кариночка, доброго вечера, прошу вибачення за шум! Мы с Лёшей увлеклись фэн-шуй, и знаете, мы поняли, почему нашей семье всё время не хватало гармонии! По квадрату Багуа у нас неправильно расположена зона спальни и гостиной, и мы решили, пока праздники и есть пара свободных дней, быстро это исправить! – громко чаштит Олеся, широко улыбаясь и прямо-таки светясь от счастья. Не иначе, как изучение восточной философии так повлияло на неё. – Мы отправили мальчиков в гости к бабушке с дедушкой, и пока их нет, решили сделать небольшую перестановку. Карина, будь ласка, мы пошумим ещё час или два и на этом закончим! Честное слово!

– А чем именно вы занимаетесь? У меня пропал Интернет за минуту до того, как вы начали сверлить.

– Ой, ой, не может быть! Карина, сейчас, минутку! – смутившись, виновато отвечает блондинка и кричит мужу вглубь квартиры. Пока они пытаются вникнуть, что произошло, я переминаюсь с ноги на ногу, стоя на сквозняке в холодном предбаннике. Наконец, на пороге появляется муж Олеси, Лёша, и виновато извиняется:

– Карина, прошу прощения, я каким-то образом повредил наш Интернет-кабель, а у нас, видимо, они взаимосвязаны. Я обязательно вызову мастера, чтобы завтра всё починили.

Всем своим я стараюсь не показывать недовольства, ко-

торое вызвала у меня эта ситуация. Оставить меня на целый вечер без возможности работать! Это совершенно никуда не годится: я не могу позволить себе потратить столько времени впустую. В офис мне ехать запретили, поэтому ничего не остаётся, кроме как искать себе альтернативное рабочее место на вечер. Я сухо прощаюсь с соседями, пожелав им в новом году обрести гармонию в своих начинаниях – как бы эти поиски просветления и дальше не наломали дров.

Можно было бы поехать на рабочую сессию к Ларе, но та на новогодние праздники перебралась к своему нынешнему бой-френду и до Рождества планировала пожить у него в атмосфере сказочной романтики. Я сажусь за барную стойку и допиваю остывший кофе с осевшей пенкой.

На часах нет и шести. Можно было бы выбраться в центр и отыскать там какую-нибудь приличное кафе с большим столом, розеткой и неограниченным доступом к кофеину. В студенческие годы я любила выбираться в кофейни и писать там конспекты лекций и готовиться к экзаменам: почему-то гремящие тарелками официанты действовали на меня успокаивающе. Ну и, конечно же, так как сотрудников общепита очень волновал вопрос их заработка, я не оставалась без внимания и всегда была накормлена. Со временем, когда я устроилась на постоянную работу и у меня появился свой кабинет, я оставила кофейни для подрастающего поколения хипстеров и влюбленных парочек. Но почему бы на один вечер куда-то не выбраться? Я быстро собираю дорожную сум-

ку, положив туда ноутбук, записную тетрадку и ручку и достаю из шкафа первый попавшийся на глаза комплект: тёмно-серое платье и коричневый пиджак. Для рабочего вечера вполне подойдёт.

Я старательно расчёсываюсь, очередной раз радуясь тому, что густую копну чёрных волос до сих пор не тронула седина. Я долго крашусь и особо кропотливо маскирую синяки под глазами – мне определённо нужно больше спать, иначе в скором времени косметика будет не в силах скрыть этот океан недоспанных часов. Хотя не буду лукавить, они не сильно портят меня. Я с улыбкой кладу на место пушистую кисточку для румян, мысленно поблагодарив родителей за то, что я унаследовала от них аккуратные черты лица, высокий лоб и узкие скулы.

Я набрасываю на плечи шубу и с минуту принимаю решение, ехать на машине или воспользоваться метро. Если я остановлю выбор на хорошем гастронапе, грех будет отказать себе в бокале вина – и в любом случае я могу вызвать себе такси. Минутное терзание, и ключи от «Ауди» остаются висеть на гвоздике в прихожей.

Пока поезд везёт меня в сторону центра, я озадачиваю себя мониторингом всех вкусных заведений на Маяковской: из всех районов центральной Москвы к улочкам именно этой станции метро я питаю особую симпатию. Помню, раньше на Большой Грузинской работал очень уютный винный бар: там варили самый вкусный глинтвейн, а их шеф-повар даже

из самых банальных продуктов мог приготовить произведение искусства. Мысль о горячем вине и вкусном ужине приносит позитива в мой сумбурный день, в котором всё складывается не так, как я планировала.

На протяжении всей поездки меня преследует неприятный запах сырости и чего-то сгнившего, и сколько я не пересаживаюсь из вагона в вагон, он не улетучивается, а становится только сильнее. Немногочисленные пассажиры, сидящие в вагонах, мрачные и насупленные: их лица настолько неприветливые, что, кажется, будто мы едем на каком-то ритуальном поезде, и сейчас нас доставят на панихиду. И это – в разгар новогодних праздников, когда вся страна отдыхает, набивает животы жирной едой и тратит тринадцатые зарплаты. Пока поезд гудит в туннеле, я ловлю в тёмных стёклах своё отражение – и почти остаюсь довольна своим внешним видом за исключением ужасной сумки для ноутбука, которую мне подарили при покупке очередного гаджета. Она безвкусного цвета фуксии, и в неё не помещается почти ничего, кроме пары блокнотов и ручек. Из-за этого приходится набивать карманы шубы остальной важной мелочёвкой, вроде телефона и ключей от дома. Из-за этого со стороны я выгляжу так, словно нахожусь в положении – этакий милый мохнатый кенгуру. Другой более подходящей сумки у меня нет, ровно, как и нет времени купить себе что-то другое.

Наконец-то отвратительная подземная ароматерапия, которая чуть не доводит меня до рвоты, заканчивается,

и из душного помещения метро я с облегчением вынырываю на гудящую улицу. Садовое кольцо встречает меня старыми домиками вперемешку с новейшими стильными зданиями офисов. На поверхности города, в отличие от мрачного подземелья метрополитена, праздничная атмосфера ощущается на все сто: жители города, увешенные со всех сторон пакетами, словно новогодние ёлки – шарами, возбуждённо переговариваются, смеются, фотографируются на фоне новогодних инсталляций. Карнавальные маски, коробки с подарками, уличные фонари, стилизованные под праздничные бокалы – все они мигают, искрятся, светятся на фоне ночного неба. Я, как и многочисленные прохожие, останавливаюсь на минутку-другую, чтобы оценить труд людей, потративших не одну ночь, чтобы украсить наш город к праздникам. Зачарованная этой красотой, я делаю пару неудачных фотографий: получается не очень красиво, потому что на снимках мигающие огоньки сливаются в безликую светящуюся массу, на которой не видно искр и перехода цвета.

Я прячу телефон в туго набитый карман и ищу нужный мне бар – пытаюсь ориентироваться на знакомые здания отелей и бутиков, и спустя пятнадцать минут оказываюсь у вывески под дерево «Вино от Маруси». К счастью, бар не закрылся, а продолжает работать и ждёт всех к себе на огонёк. Сейчас центр меняется очень стремительно: на кону стоят всё большие и большие деньги, и такие очаровательные маленькие заведения живут год или два, после чего их прогла-

тывают более весомые конкуренты. Но не в данном случае. «Вино от Маруси» по-прежнему радует своих посетителей уютной атмосферой: из динамиков играют хиты русского рока, стилизованная под старину деревянная вывеска с названием бара отдекорирована праздничными гирляндами. Они нежно мерцают и не раздражают взгляд. Отряхнув ботинки от слякоти и грязного снега, я захожу внутрь.

Запах вина и специй, витающий в воздухе, встречает меня не менее дружелюбно, чем хостес Настя. Я уверена, что когда приезжала сюда последний раз полгода или год назад, она тут работала. Сквозь пелену времени я узнаю её приветливое азиатское лицо и добрую улыбку, с которой она провожает меня до свободного местечка в углу. В зале совсем немного гостей, что мне на руку: не так просто собраться с мыслями, когда за соседним столом отмечают день рождения и гремят пивными бокалами. Я толком не смотрю меню и прошу мне принести глинтвейн с ягодами и маленькие сэндвичи с индейкой, чтобы не превращать рабочий вечер в корпоратив индивидуального предпринимателя.

Я вешаю шубу на соседний стул, достаю компьютер и даю ему пару минут отогреться после холодной улицы. Пока ноутбук настраивается на творческий вечер, я кидаю по сторонам ленивые взгляды. Бар «Вино от Маруси» всё такой же домашний и симпатичный, как и раньше. Стены оббиты натуральным деревом, пол в зоне зала покрыт красным ковровым покрытием – не представляю, как мучается их убор-

щица, чтобы поддерживать его в таком идеальном состоянии, но внешний вид стоит приложенных усилий. Старомодные светильники в форме стеклянных шаров тоже украшены новогодними гирляндами – красный, зелёный, синий, золотой – мягкие огоньки мерцают на фоне тёмных дубовых стен. Деревянная столешница стола слегка потертая – ровно, как и обивка стула. Легкий налёт старины мне очень импонирует, если он представлен умеренно: многие современные заведения слишком ударяются в винтаж и добиваются эффекта старомодности и потасканности. Последняя деталь «Вина от Маруси», которая доставляет мне эстетическое удовольствие, это их уникальная посуда: ненавижу банальные белые тарелки. На соседних столах красиво расставлена кремовая, голубая, чёрная или даже стилизованная под бронзу керамика, из-за чего трапеза превращается в настоящий праздник.

Сытая и заметно повеселевшая, я подключаю ноутбук к зарядке, и мы с моим американским другом готовы к работе. Пока я потягиваю глинтвейн, от которого во рту остаётся замечательное послевкусие малины и чёрной смородины, уши привыкают к играющей в зале музыке. Бегло просматриваю свои записи. Обычные рабочие заметки, вроде Марк Гольденберг: «никаких пастельных оттенков», «никакого тюля», «исключить белую мебель, а то – как в больнице». Каждый клиент – настолько уникальная штучка в плане своих предпочтений, что я невозможно запомнить всех деталей каждой квартиры мечты без записей. Я продолжаю

уже шестую подборку фотографий в папке «Марк Гольденберг», грея себя надеждой, что скоро я дойду до сути и расправлюсь со всем этим.

Первый глинтвейн заканчивается очень быстро, и я прошу Настю принести мне ещё один. Она вежливо интересуется, как мне сэндвичи, а я замечаю, что на её белой блузке теперь написано не хостес, а менеджер. Сделала карьеру здесь за эти годы, молодец девчонка. А я гоняю её как обычную официантку со своими пожеланиями – принесите то, принесите это. Но она, кажется, не против: эффектная кореянка с искренним интересом слушает мои комментарии относительно удачных интерьерных решений и нежного вкуса индейки, что-то говорит в ответ и при этом всё время улыбается. Думаю, это профессиональная маска для работы с клиентами. Наверно, здесь не всегда всё всем нравится, и персоналу нужно быть вежливым и всё время улыбаться. Я сама освоила эту маску много лет назад: каким бы нелепым не было желание клиента заполнить всю комнату розовым или зелёным цветом, нужно кивать ему с видом, будто он только что открыл дизайнерскую Америку. Шторы в голубой цветочек и персидский ковер землистых оттенков? Конечно! Это будет сногшибательно! Давайте только сначала поменяем этот ситцевый ужас на хороший тюль, обыграем его массивным карнизом, а потом обязательно вернёмся к варианту деревенских занавесок с полевыми цветами. Обычно, про те вульгарные ромашки по всему полю клиент благополучно

забывает, когда видит перед собой гармоничное дизайнерское решение, а я с облегчением вытираю со лба пот и делаю отличную работу.

Нужно напрячься и сделать идеальную работу ещё раз. Марк, Марк, Марк. Уставший от жизни циничный мужик. Как понять, где зарыта твоя собака и что тебе нужно от жизни и от твоей квартиры, если у тебя всё есть? Перед глазами мелькают фотографии американских граффити и антикварной посуды: я привыкла черпать идеи даже из самых неожиданных источников, и иногда в какой-нибудь пластмассовой ерунде с китайского сайта можно найти интересную мысль. Цепь ассоциаций, как нить Ариадны, выводят меня из творческого тупика – все кусочки мозаики собираются в единое целое, и у меня рождается новая идея. Но не сегодня. Спустя час активного мозгового штурма и шуршания в блокноте я чувствую, что мне необходим перекур и глоток свежего воздуха – я даже пиджак сняла, настолько мне жарко.

Под мотивы хорошо известной мне песни «Во время дождя» Вячеслава Бутусова я накидываю на плечи шубу и выхожу на улицу. «Ты стоишь у порога в белом плаще. С чёрных волос на паркет стекает вода. Слишком поздно пытаться тебя придумать назад», – напеваю я знакомые строчки и отбиваю ритм по сигаретной пачке.

За минувший час на улице заметно похолодало: поднялся сильный ветер, и под капюшон из тёплого белого меха неприятно задувают ледяные порывы. Я пытаюсь прикурить,

но старенькая зажигалка с заканчивающимся газом постоянно гаснет, не успевая загореться.

– Вам помочь? Давайте я прикурю вам? – я слышу из-за спины мужской голос, который, очевидно, обращается ко мне.

– Да, спасибо! Моя зажигалка совершенно не работает! – я оборачиваюсь на звук его голоса и киваю с искренней признательностью. – Большое спасибо!

– Да не за что, – голос молодой и пьяный. Парень, лица которого я не вижу из-за скудного освещения новогодних гирлянд, любезно делится со мной огоньком, и я с удовольствием затягиваюсь. – Курите, сколько хотите... Карина? – тут его голос меняется, и медлительные нотки пропадают из речи. – Это ты, Карина?

От неожиданности, что услышала своё имя, я вздрагиваю – не хватало ещё встретить здесь каких-то знакомых, которые не дадут мне спокойно поработать. Кто это? Кто-то из нашего офиса? Какой-то клиент, с которым я когда-то работала? В любом случае, нужно вежливо перекинуться парой вежливых фраз и тактично сослаться на дела.

– Да, меня зовут Карина, – отвечаю я настороженно, зачем-то помахав у лица сигаретой. – Но я не могу понять, кто вы.

Незнакомец наклоняется ко мне чуть ближе: в скудном свете новогодней иллюминации его черты едва видны. На вид ему около двадцати пяти – тридцати. Что-то в его об-

разе кажется мне смутно знакомым, но я не могу понять, кто это. Мы когда-то работали вместе? Я делала ему ремонт? Мы подбирали диван и маленькие подушки для квартиры его бабушки? Пили когда-то на вечеринке корпоративных партнеров?

– Карина, это я, Рома. Мы учились с тобой вместе в одном университете. Помнишь? Я учился на факультете звукорежиссуры. Мы с тобой общались на первом курсе... Недолго, но всё же...

Внезапный порыв ледяного ветра задувает под капюшон: таким же сильным порывом обрушивается на меня и колоссальная лавина старых воспоминаний, отчего я чувствую неприятную слабость в коленях. Я быстро хватаюсь за ненадёжные перила, чтобы не упасть от столь сногшибательной в прямом и переносном смысле встречи: я потеряна и удивлена настолько, что мне нужна хотя бы минута, чтобы прийти в себя. Никогда бы не подумала, что встречу с этим парнем снова – и уж никогда бы не подумала, что именно при таких неожиданных обстоятельствах спустя столько лет.

2

– Как, как? Рома вас зовут? – замаскировав свою застигнутость врасплох под приступ кашля, я делаю вид, что не узнаю его. – Вы уверены, что мы знакомы? Возможно, вы меня с кем-то путаете?

– Карина, это точно ты! – парень очень пьян, судя по тому, как заплетается его язык и скачет интонация – то вверх, то вниз. – Ка-ак ты поменялась! Совершенно другая стала! Ты очень изменилась! Так сразу и не узнать тебя, Карина, – Рому одолевает неприятный смех, отчего внутри нарастает паническое раздражение. Мне стоит продолжать делать вид, что я понятия не имею, кто это, быстро расплатиться за свой ужин и уехать домой, пока меня не втянули в ненужную встречу «бывших друзей». Я торопливо выбрасываю недокуренную сигарету и бормочу какое-то извинение под видом того, что он определённо обознался, но Рома порывисто хватает меня за локоть.

– Карина, перестань дурачиться, – уверенности в его голосе явно становится больше, и я слышу нотки сарказма. – Первый курс, Карина! Канал имени Москвы. Легендарная вечеринка студентов первокурсников. Ты должна это помнить, ну же? Не так много лет прошло с тех пор... Хотя нет! Много! Десять лет, чёрт возьми! Но неужели ты забыла ту славную вечеринку?

Ключевые слова прозвучали из его уст как пароль для входа в компьютерную систему. Все мои жалкие попытки улизнуть не увенчались успехом. Я беру себя в руки и выдавливаю вежливую улыбку: как будто встретила со своей учительницей из школы, с которой надо обменяться парой фраз и вежливо узнать, как у неё дела.

– Ах, точно, Рома! Ну, конечно! Столько лет прошло... Ты знаешь, я просто работаю с очень большим количеством человек! Люди, люди, везде люди, с годами у меня стала ужасная память на лица, – я начинаю оправдываться, чувствуя, как стыдливо заливаюсь краской. Я стараюсь быть убедительной, но мой лепет далёк от реальности: я обладаю потрясающей зрительной памятью и с первого раза запоминаю лица и имена людей, а так же ситуации, при которых состоялось наше знакомство. Для меня нелепо говорить о несуществующих проблемах с памятью, и из-за этого я выгляжу глупо: в ответ на мои неубедительные реплики Рома лишь ухмыляется.

Конечно, мой мозг помнит всё! Мой мозг прекрасно помнит первый курс, помнит канал имени Москвы, где мы с другими студентами собрались на нашу первую вечеринку, помнит тот восхитительный осенний день. При нашем слякотном климате это большая редкость – такие милые деньки в сентябре, ещё по-летнему солнечные и тёплые, но уже по-осеннему лиричные и живописные. Мой мозг помнит и этого парня – и помнит, что после той ужасной вечеринки мы с Ро-

мой здоровались сквозь зубы, а спустя пару месяцев и вовсе стали игнорировать друг друга, как будто и не знакомы. Мой мозг помнит, во что он был одет: простые джинсы и сиреневая толстовка не самого удачного оттенка: с большей примесью красного, чем синего – а лучше бы наоборот. Помню, что Рома носил узкий туннель в ухе и катался на скейтборде. В то время было очень модно гонять на досках, слушать альтернативный рок типа «Limp Bizkit» и «Drowning Pool» или что-то ещё более агрессивное. Ребята, не знавшие английского языка, но очень хотевшие приобщиться к этому модному течению, довольствовались группой «Stigmata», скандируя вместе с ними, что сентябрь сгорел, а убийца плачет. О, наша молодость. Время бунтарской подростковой культуры, альтернативного рока и ярких неформальных нарядов. Всё это было настолько модным, настолько массовым, что все через одного нет-нет, но носили узкие джинсы, яркие кеды, футболки со спортивными принтами и красили челки в необычные цвета. Так одевались многие, не зависимо от возраста и пола, пока эта мода не ушла, а мы не выросли и не начали заниматься поисками себя настоящих в этом океане жизни.

– Ну вот, узнала! Каринка! – я вижу, что он улыбается. – Дай обниму тебя! Вот уж никогда не думал, что мы встретимся, да и ещё вот так случайно! Вот это встреча года!

Я не успеваю возразить или согласиться, как призрак прошлого крепко сжимает меня в объятиях. Раньше мне казалось, что мы одного роста, но сейчас очевидно, что он пере-

рос меня почти на голову. Я мужественно терплю этот порыв ностальгии, чувствуя сильный запах алкоголя. Это объясняет его бурную радость: не думаю, что при других обстоятельствах Рома был бы так мне рад.

– А ты чего там одна сидишь? Давай выпьем! Или ты ждёшь кого-то?

Правильнее сейчас было бы сказать, что я жду подругу или какого-нибудь несуществующего парня, но мой язык самовольно говорит непростительную вещь:

– Нет. Кого мне ждать? Я работаю. Дома нет Интернета, и я решила поработать в баре.

– Эй, мне интересно, кем можно работать, попивая глинтвейн в баре с таким расслабленным видом? Это же настоящая работа мечты! Расскажешь мне, Карина, кем ты стала? Ты чего дрожишь? Замёрзла? Пошли греться, подруга!

Он разжимает объятия и тащит меня за собой – со стороны может показаться, что мы, и правда, хорошие друзья, которым сейчас весело от их вот такой неожиданной встречи. Но мы никогда не были с ним друзьями, и единственное, что я о нём помню, это та самая студенческая вечеринка на первом курсе. Да и тогда наше общение было особо дружеским: Рома быстро дал мне понять, что не желает продолжать со мной общение, и наши пути разошлись. Да, неприятная была история: одно из грязных пятен на белой скатерти моей репутации. Слава богу, что я не поддерживаю связь с одноклассниками, и об этой истории мне никто не напо-

минает: с годами её засыпало сентябрьскими листьями и замело снегами. Но сейчас она всплыла – нарисовалась, словно труп утопленника на чистой поверхности гладкого озера.

Я покорно следую за Ромой – он заразительно хохочет, почти насильно сажает меня за свой стол рядом с собой, после чего опасливо косится в другой конец бара, где я сидела до нашего рокового перекура.

– Ой, твой ноутбук? Нам, наверно, лучше не оставлять его без присмотра. Вернись за свой стол, Карина, я к тебе подсяду сейчас.

Сегодня судьба решила злорадно посмеяться надо мной: спонтанное решение выбраться в люди закончилось комичным стечением обстоятельств и внезапной встречей с далёким прошлым. Сев обратно, я сохраняю найденные файлы и делаю резервные копии: хорошая привычка на случай, если что-то пойдёт не так. Многое сегодня идёт не так, как мне хочется, и большой досадой будет потерять результат проделанной работы. Я быстро набираю на клавиатуре команды сохранения, когда Рома, вооружившись стаканом с виски, занимает стул напротив меня.

Так неожиданно и странно видеть этого человека столько лет спустя, но это по-своему интересно. Я не замечаю, как меняюсь сама или меняются мои близкие, но часто ли встретишь знакомого, которого не видел десять лет? Это же вдуматься только: неужели я настолько старая, что десять лет назад я уже во всю тусовалась в каких-то компаниях и на-

чала собирать коллекцию конфузных историй? Я украдкой посматриваю на Рому: не хочу показывать ему свой неожиданный интерес к его персоне, но мне очень любопытно, кем он стал. Каким он стал. Насколько он изменился за минувшие годы, или это всё тот же заносчивый Рома? Он похудел. Совершенно точно помню, что черты его лица были более скругленными и по-детски одутловатыми – да что уж там, мы все ходим с юношеским овалом лет до двадцати, а после потихонечку усыхаем, становясь строже, серьёзнее и суше. Хотя строже – это не про него. Яркие голубые глаза горят нездоровым блеском на бледном, осунувшемся лице. Нездоровый цвет лица наркомана со стажем, сказала бы Лара, помешанная на солярии и бронзовом загаре. И всё же, при всей этой «нездоровости» и бледности я бы по-прежнему, как и много лет назад, признала его красивым. Такое отвратительное слово, красивый. Его постоянно к месту и не месту использует наш маркетолог Лена, но у Ромы, правда, довольно эффектная внешность.

– Ну, привет, – я натянуто улыбаюсь ему и без энтузиазма завязываю жалкий разговор: – Вот так встреча. Очень неожиданная. Ты поменялся. Похудел? И как будто выше ростом стал? Как твои дела?

– Работаю много! Очень много! Ты себе не представляешь, насколько! В целом, у меня всё классно, – он широко улыбается и смеётся, словно бы он только что удачно пошутил. Не помню, чтобы он когда-либо был весельчаком и ду-

шой компании: из всего нашего потока он общался всего с парой ребят, таких же одиночек скейтеров, любящих музыку и мечтающих спеть своё слово в музыкальном мире. Всех остальных он держался особняком и мало с кем проводил время после лекций – хотя мне-то откуда знать? Но я точно помню, что он едва ли улыбался: Рому всегда отличало холодное, отстранённое выражение лица, которое демонстрировало скуку и безразличие ко всему. Не помню его пьяным, кричащим, смеющимся или говорящим с кем-то на повышенных тонах – зато сейчас Рома улыбается во все тридцать два ровных зуба, и вид у него настолько неадекватный, что у меня возникают нехорошие предположения, что Рома употребляет не только алкоголь.

– А чем ты занимаешься, Карина? Ты так изменилась! Куда делась та девочка с длинными волосами и детским наивным взглядом, полным восхищения?

– Выросла и постриглась, – я хотела сказать это в шутку, но настороженность в моём голосе играет против меня, и получается грубо. – Я имела в виду, что прошло много лет, люди же меняются с возрастом.

– Вот это голос у тебя поменялся! – он резко наклоняется ко мне через весь стол, отчего я невольно вздрагиваю, словно на меня накинулась бешеная собака. – Серьёзно! Ну-ка, скажи что-то ещё? Твой тембр голоса определенно стал другим, более низким. Куришь, наверно, много? Ты раньше так противно пищала и восторженно охала, а сейчас ты глянь толь-

ко: такая зрелая женщина с мелодичным голосом. Не смотри так на меня, Карина. Я аудиал. Если это слово тебе о чём-нибудь говорит, – он с важным видом закатывает глаза, и это придаёт его нетрезвому лицу долю комичности. – Я очень хорошо запоминаю звуки, музыкальные мелодии, ну и голоса, конечно же. Всё-таки два музыкальных образования, как ни крути. Ну, чего молчишь, будто язык проглотила? Скажи мне ещё что-нибудь! – он откровенно издевается надо мной.

– Здорово. Музыка – это очень хорошо. К сожалению, я никогда не имела к ней данных: совершенно не умею петь и играть на чем-то, – ровным тоном говорю я, чем вызываю с его стороны прилив ненормального энтузиазма. Рома шквалом обрушивает на меня кучу фактов о каких-то своих знакомых, которые стали лихими барабанщиками, солистами и большими именами в мире музыки и рассказывает их все вперемешку, путаясь в последовательности и логике повествования. Он говорит о них с таким интересом и восторгом, что я понимаю, не предприми я сейчас попытку удрать, то буду слушать их весь вечер.

Эта неожиданная встреча в «Вине от Маруси» – определено не из тех, о которых потом вспоминаешь с теплом и улыбкой. Рома – это что-то очень давнее и почти забытое, то, что я не люблю вспоминать. За минувшие годы это было всего несколько раз: когда я отдыхала на левом берегу с другой компанией и когда заезжала в Университет, повидаться с преподавателями. Бывало, когда я случайно слыша-

ла по радио песню про сторевающий сентябрь, воспоминания откидывали меня назад, в то время, в тот самый день. Сентябрь горит. Я так и видела перед глазами золотисто-красные листья клёна и запах того костра, на котором мы жарили сосиски и хлеб. Видела лица своих друзей и чувствовала во рту тёплый вкус дешёвого алкоголя и приторного сока. Я улыбалась этим глупым воспоминаниям и думала, как хорошо, что они у меня есть.

Знатная была история. Конечно, в моей жизни после неё было ещё немало вечеринок с конфузными кульминациями и развязками, так что невинная попытка завязать с Ромой дружеский диалог (хорошо, я чуть не стащила с него штаны), с годами не кажется мне такой обескураживающей. Совершенно мимолётный, не стоящий внимания эпизод, имевший место десять лет назад. Как я вообще о нём вспомнила? Да, конечно вспомнила. Сто лет ещё проживу, но не забуду, как я приставала к бедному парню как помешанная! Не стоило мне пить так много: я вела себя как последняя идиотка, ещё и на глазах у всех. В институте потом много шептались после того случая. Но, думаю, что много чего в этой истории додумала моя одноклассница Кира или кто-то ещё из девочек, но я не хочу знать, кому обязана такой легендой о себе. За мной ещё пару месяцев тянулась репутация не самой приличной студентки, но со временем моя хорошая успеваемость и уживчивый нрав смыли с меня все грехи. Словом, Рома и вся эта сентябрьская драма семнадцатилетних под-

ростков, эпизод, конечно, неприятный, но он был слишком давно, чтобы вспоминать о нём с такими трепетными эмоциями.

Но для Ромы эта встреча значит намного больше, чем для меня. Мой друг на сегодняшний вечер продолжает рассказывать какую-то чушь из области психологии и пытается меня в чём-то убедить. «Нет такого слова, не умею, надо пробовать, работать над собой, и тогда всё получится, дело только в твоей лени и нежелании», – лихорадочно частит парень, делая резкие жесты руками. Не могу понять его посыл: он то ли пытается меня за что-то пристыдить, то ли просто хвастается своими успехами. Я пытаюсь подгадать удачную паузу между его словами, чтобы бросить быстрый взгляд на часы и округлить нашу беседу под видом того, что мне надо уезжать. Буквально секундная пауза, Рома делает быстрый глоток из своего стакана и распаляется новой речью:

– Карина, вот я сегодня наконец-то решил устроить себе выходной! У меня в декабре было только два свободных дня! Новый год я встретил весь обмотанный проводами, как древнеегипетская мумия! Прыгал за сценой с пультом в зубах под мат барабанщика одной группы. Он напился к десяти вечера, как свинья, и едва мог стоять на ногах! А ему играть всю ночь. Половина техников уехали ещё до полуночи, и мне пришлось бегать, как заботливая мамочка, и решать все вопросы! С этой чёртовой вечеринки я вернулся только в обед первого числа и проспал почти четырнадцать часов!

Это такая роскошь, я сам не поверил своему счастью! В лучшем случае у меня получается покемарить часа четыре, – сейчас мне становится ясно, почему он так нездорово выглядит и откуда эти огромные синяки под глазами, которые я сначала приняла за последствия употребления наркотиков.

Рома говорит так быстро, что я почти не могу разобрать, что он несёт. Я напряженно жду удачного момента для своей небольшой актёрской игры, но понимаю, что это дохлый номер: парень нашёл, кому можно присесть на уши в этом богом забытом баре. Он не отпустит меня до тех пор, пока из его организма не выйдет весь алкоголь, или я ему не надоем. Но, учитывая, что он уделяет своему стакану регулярное внимание, просидим мы с ним до закрытия.

Вот так я выбралась из дома поработать – лучше бы отдохнула дома под хороший фильм и пила эспresso с новыми сиропами. Но вместо запахов кофе и занятного сюжета меня атакуют алкогольные пары дешёвого виски и невероятные истории про концертную деятельность столицы. Насколько я поняла из его бестолково рассказанной биографии, Рома, как и я, остался в числе тех выпускников, что связали свою жизнь с работой по специальности. И судя по его плотному графику и обилию концертов, устроился Рома вполне неплохо. Малоувлекательные рассказы скачут в полном беспорядке – они скоро перейдут на галоп, и я вообще перестану его понимать. Рома начинает с одного, потом вспоминает другой занятный случай, который «грех не рассказать хороше-

му другу!»), то вдруг рассказывает историю о компьютере какого-то лоха, который завис за полчаса до концерта, и пришлось реанимировать и компьютер, и этого лоха, то всеми любимый эстрадный исполнитель оказывается пьяницей и геем. С темы нетрадиционной ориентации и ярко-выраженного негативного к ней отношения Рома вдруг переключается на обсуждение технических пультов и синтезаторов, и на моменте рассказа о разрыве цепей и контактов какого-то музыкального дивайса в разгаре концерта малоизвестной певицы я сдаюсь и прошу Настю повторить мне глинтвейн. Боюсь, что только горячее вино со специями поможет мне мужественно выслушать весь этот словесный поток, половину из которого я не понимаю. Припав губами к толстой стенке бокала, я пытаюсь абстрагироваться от обилия технических и музыкальных терминов, и с каждым глотком это становится проще. Минут через десять я почти не слушаю его, и техники активного слушания мне хватает, чтобы казаться вежливой.

– Извини, я тебя заговорил, наверно, – в какой-то момент Рома перебивает себя на полуслове и снова припадает губами к бокалу со зловонным виски. – Извини, что болтаю всякую ерунду, тебе это наверно неинтересно всё? – да, неинтересно, хочу согласиться я, но выдерживаю вежливую паузу и, почему-то, уверяю его в обратном. – Итак, Карина. Как устроилась ты после вуза? Стала великим модельером? – мне кажется, что, произнося моё имя, он пытается подавить сме-

ШОК.

– Я училась на отделении графики, а не дизайна одежды. Да, я устроилась в хорошую компанию. Занимаюсь обустройством комнат и квартир. Вот. Дизайнер я. Мне это очень нравится... Сейчас занимаюсь апартаментами бизнесмена Марка Гольденберга, – про моего нового клиента много писали в прессе, поэтому, конечно же, Рома знает, кто это. Этим фактом я пытаюсь придать себе весомости в его глазах, но желаемого эффекта я не произвожу.

– А, этот? Зажрался он. Ему всё денег мало, поэтому уже не знает, что купить и где бы ещё наворовать. Люди в какой-то момент свихиваются на этих деньгах, и им хочется заработать ещё больше. Слышал, обчистила его женка после развода по полной программе.

– Я не в курсе личной жизни своих клиентов, – резко отвечаю я. – И обсуждать мы это не будем.

– Ясно. Посплетничать ты со мной не хочешь. Ты стала такой серьёзной, Карина, кто бы мог подумать? – Рома цокает языком и залпом проглатывает остатки янтарной жидкости. – Выпить ещё? Или хватит?

– Я думаю, больше не стоит. В алкоголе главное знать меру, – неодобрительно говорю я. Думаю, ещё пара глотков, и придётся соскрести кое-кого с пола – либо Рому, либо естественную реакцию его организма на злоупотребление алкоголем. Посетители бара будут бросать на меня неодобрительные взгляды, и мне, красной от стыда, придётся вы-

трясать из него домашний адрес и везти домой. – Пристрастие к алкоголю забирает на тот свет раньше положенного, имей ввиду. В твоём возрасте вид у тебя уже не сказать, чтобы очень здоровый.

– Ты думаешь, что я постоянно пью? Что я спивающийся алкоголик? – его лицо на миг становится озлобленной маской: такое ощущение, что я своим комментарием попала в точку, но он, конечно же, не признается мне в своей зависимости. – Это неправда! Я почти не пью! Могу иногда выпить бутылку пива или немного виски, но не более. Алкоголь – это зло и яд, я это прекрасно знаю. Сегодня у меня был основательный повод впасть в лирический запой. До того, как произошло роковое стечение обстоятельств, и я прикурил тебе сигарету на улице, я был здесь со своими друзьями. Мы дружим ещё со школы: прошли вместе через огонь, воду, медные трубы и голодные будни музыкантов и сегодня наконец-то решили встретиться. Сказать по правде, последний раз я видел их полгода назад, и всё это время мы даже не созванивались. Лучшие друзья – они же такие, в трудную минуту всегда рядом, поддержат, помогут. Но сегодня я понял, что видимо так думаю только я, потому что парни за это время успели жениться, устроиться на работу в отличный музыкальный проект и завязать с разгульным образом жизни. Да я не помню, чтобы у них проходил хоть день без травки или алкоголя – закинут себе за ворот и радуются жизни. Но на их нынешнем празднике успешной жизни я теперь

лишний. Обидно, Карина, знаешь ли, очень обидно.

– Ну, Рома, раз они так легко предали вашу дружбу, может, они тебе и не такие уж друзья? – с сочувствием произношу я, хотя мне кажется, что сейчас ему больше нужен ещё один стакан виски, нежели моя сердобольность. Впрочем, после таких разговоров стакан виски скоро потребуется и мне.

– Да ладно, не велика потеря. Я нравлюсь людям, так что не составит труда подружиться с кем-то другим. Другое дело, зачем вообще тогда устраивать этот театр с мнимыми друзьями? Знаешь, в чем всё веселье этого мира, Карина? Дело в том, что мир захлебнулся в лицемерии и жажде денег. Люди называют себя твоими друзьями и подругами, клянутся в верности, а по сути это всё меркантильная ложь. Взять хотя бы твоего Гольденберга. Надо думать, любила его бывшая жена, когда выходила за него замуж. Любила так, что жить без него не могла, – Рома делает театральный жест рукой как бы в подтверждении своих слов. – Нет, конечно! Её интересовали только его возможности и деньги. И всё. Она получила, что хотела, и исчезла как ёжик в тумане, прихватив с собой пару пачек долларов на новый силикон.

– Ты не знаешь всех подробностей их личной жизни, возможно, были какие-то другие причины их развода, – осторожно говорю я. – А ты начитался сплетен из Интернета и поставил на Марка и его жену позорное клеймо.

– Ага. Я всё понял. Значит, тонкости их развода ты всё-

таки знаешь. А может Гольденберг тебе не просто клиент, и ты с ним спишь уже давно? А ревнивая жена не пожелала делить его с кем-то и...

– Хватит нести ерунду, – грубо отсекаю его я. – Знаешь, в чём твоя проблема? Ты выносишь вердикт о других людях, не располагая нужной информацией. Почему ты думаешь, что у меня с ним сексуальные отношения? Я просто сказала тебе, что он мой клиент, и я сейчас с ним работаю. Бесспорно, у него широкие финансовые возможности, и я могу хорошо заработать, но работа – это всё, что меня с ним связывает. Перестань фантазировать и вешать на людей ярлыки, которые далеки от реальности. И однозначно тебе стоит понизить градус в организме – того гляди, воспламенишься скоро. Возможно, тогда тебе станет легче жить самим с собой, и реальность предстанет перед тобой в настоящих красках, без алкогольной завесы, – предостерегающе говорю я. В моём голосе появляются низкие ноты, что делает его похожим на шипение ядовитой змеи. Рома приосанивается и выдерживает долгую паузу.

– Наш разговор становится всё более и более интересным, – задумчиво говорит он минутой позже, смотря на меня в упор. Взгляд у него тяжёлый и пристальный – я стараюсь не отводить глаз, чувствуя при этом странную неловкость, словно бы я наговорила чего-то лишнего. – Я бы с удовольствием продолжил его, но сквозь алкогольную завесу моей реальности очевидно, что мой стакан пуст. У меня дома сто-

ит целая бутылка виски. Не составишь мне компанию выпить её?

– Что? – испуганно переспрашиваю я. Вот уж чего не хватало, так это идти в гости к этому ненормальному! – Нет! Не составлю! Даже не думай!

– Да брось, – спокойно отвечает Рома и неожиданно дарит мне улыбку, от которой исхудавшее бледное лицо мгновенно преображается. До нас доносится беззаботный смех уходящей из бара компании парней и девушек, решивших продолжить этот отличный вечер в каком-нибудь клубе. Рома, невольно обративший на них внимание, молча провожает их взглядом, после чего продолжает более уверенным тоном: – Я живу тут рядом. Бар закрывается через час, и скоро нас отсюда попросят. Время уже к одиннадцати, а тебе наверно ехать чёрте куда. Где ты живёшь, кстати?

– Я живу на Войковской, и это не далеко отсюда. Если я не успею в подземку, в чем я сильно сомневаюсь, то вызову себе такси, – с недовольством говорю я, обидевшись на его «чёрте куда». Я давно заметила, что те, кто живут в центре, считают все станции метро после кольцевой какой-то дальней далью «у чёрта на куличиках». – Так что спасибо за приглашение, но я поеду домой. К себе домой.

– Да ладно тебе, Карина, нам пройти всего метров триста. Пойдём! У меня очень вкусный виски! Посидим, поболтаем, потом поедешь, куда тебе надо. И потом, Карина, – его лицо очередной раз за вечер меняет своё выражение –

на сей раз в пользу серьёзности. Меня уже начинает забавлять обилие его актёрских масок и богатство мимики лица. – Мы так давно с тобой не виделись! Представляешь, моё последнее воспоминание о тебе датируется десятилетней давностью. Нам определенно есть о чём поговорить. Ты мне толком и не рассказала, чем занимаешься, кроме того, что работаешь на Гольденберга и, возможно, с ним спишь. А мне интересно было бы узнать о тебе побольше. Ну что, по стаканчику? У меня, правда, отличный виски.

– Я не пью крепкий алкоголь, – категорично отрезаю я, наморщив нос. – Меня от него тошнит.

– Ты смотри какая, – Рома опять подавляет смешок, словно только что мысленно пошутил в мой адрес. – Ладно, ладно, я понял, в чём дело. Ты боишься, что если останешься со мной один на один и напьёшься, то повторишь свой подвиг с первого курса и начнёшь снимать с меня штаны, – Рома начинает хохотать, и я понимаю, что он провоцирует меня. – Если что, я не против, Карина! Что будет, то будет!

– Какой ещё подвиг? Ты о чём вообще? Это когда было-то? – я возмущаюсь и чувствую, как стыдливо заливаются моё лицо краской. – Подумаешь! Это было давно! Десять лет назад! Считай, что не было! Мне было семнадцать лет, и я немного перепила, с кем не бывает. И ничего я не боюсь, просто я не хочу никуда с тобой идти! Ты вообще не думал, что я уже могла бы быть замужем в таком возрасте?

– Кольца на пальце я что-то не вижу, – Рома цокает язы-

ком и ждёт от меня следующих глупых аргументов.

– Я могла бы быть в отношениях, – резонно возражаю я.

– И сидела бы в праздничный день, с компьютером и пила глинтвейны в одиночестве? Не верю. У тебя взгляд одинокий. Ты не в отношениях.

– Уставший у меня взгляд! И я приехала сюда поработать, потому что дома нет Интернета, а моя работа невозможна без наличия Wi-Fi.

– Значит, у тебя есть парень, и ты как хорошая девочка ночуешь дома с ним в обнимку? И к чужим парням в гости ты не ходишь?

– Нет, но...

– Я так и думал. А тебе лишь бы поспорить. И насчёт твоих страхов и опасений я тоже прав. Ты боишься, что на тебя нахлынет былая страсть, и ты ко мне полезешь обниматься. Ладно уж, мы люди взрослые, это всё естественные вещи.

Меня раздражает его наглость. Меня раздражает, что он напоминает мне тот случай – это было давно, давно, давно! Зачем это вообще всё всплыло в моей жизни? Я уже который раз за вечер начинаю жалеть о своей поездке. Я хочу встать и начать собираться домой, как – о чудо! – мне звонит Лара. Я торопливо беру трубку, решив, что нужно быстро разыграть спектакль «у подружки случилась беда», как счастливый голос Лары начинает громко частить мне в ухо:

– Карина, он такая душка! – слышу, как она быстро затягивается сигаретой и с хриплым кашлем продолжает: – Такая

душка! Он приготовил нам такой вкусный ужин! Боже, мне кажется, что я влюбилась! Таких идеальных мужчин не бывает! Хочу завтра встретиться с тобой и всё рассказать! Возможно, скоро ты будешь помогать мне в примерке свадебного платья! Ты свободна завтра вечером? Нет никаких встреч по работе?

– Да, я свободна! Отличная новость, очень рада за тебя! – рассеянно отвечаю я, думая, как бы быстро повернуть разговор в нужное мне русло.

– А ты где сейчас? Я слышу какую-то музыку! Ты не дома?

– Я? В баре! Домой сейчас поеду! Поздно уже, вот собираюсь домой.

– Ага, собирается она домой, как же, – ехидно вставляет свою ремарку Рома, и я начинаю испытывать желание его ударить.

– Это кто там с тобой? Па-арень! Обалдеть! – Лара переходит почти на визг. Почесав шею за ухом, я случайно задеваю кнопку громкой связи, и высокий голос подруги сейчас слышен даже у входа в заведение. – Ничего себе! Ты на свидании! Подумать только! Я сплю наверно, Карина! Ты сидишь в кафе с каким-то парнем и строишь ему глазки? – пока Лара театрально вздыхает, мои щёки становятся краснее светильников бара «Вино от Маруси», а пальцы пытаются вывести зависший телефон из этого чертового режима. – Нет, ты не на свидании. Это твой очередной клиент потащил тебя на поздний ужин, выбирать половички в ванну своей бабуш-

ки. Моя Карина – фригидная кошёлка, она не ходит на свидания.

– Не говори ерунды! До завтра! Позвонишь мне, когда в гости соберёшься! – багровая от стыда шиплю я Ларе, быстро выключив телефон и затолкав его в карман шубы.

– Что, парень дома ждёт, места себе не находит от волнения? – подкалывает меня Рома, стараясь сдерживать в себе потуги смеха.

– Что, тебе завидно, что меня кто-то дома ждёт, а тебя нет? – поспешно отвечаю я, поняв, что сказала глупость.

– Почему же не ждёт? У меня большая дружная семья, и все ждут меня домой. Ну, так что, Карина, пойдёшь со мной виски пить? И передай своей подружке, что ты не фригидная, а очень даже горячая штучка.

Я бросаю на Рому полный ненависти взгляд – ну, подруга, ну спасибо тебе! Выставить меня в таком неприглядном свете – и перед кем? Рома выжидающе смотрит на меня с бесконечным любопытством: видимо, прикидывает, какие ещё я приведу аргументы, чтобы отказаться от сомнительной полудночной авантюры. И тут – неожиданно для нас обоих – я обреченно соглашаюсь:

– Ну, что же, пошли, Рома. Покажешь мне, где ты живёшь.

3

Холодный воздух действует отрезвляюще. Колючие порывы ветра бодрят голову, и кажется, что выпитый за вечер глинтвейн чудесным образом улетучился: я чувствую себя почти трезвой. На улице холоднее, чем было пару часов назад, ледяной ветер пронизывает до костей, и я неприятно жмусь от холода. Мы идём быстро, почти бегом, чтобы не замерзнуть окончательно. При этом мы торопливо курим и о чём-то говорим. Наш разговор – это настолько «о чём-то» и «ни о чём», что мне трудно уловить его суть. Обмен рядовыми репликами в перерывах между сигаретными затяжками. Живёт Рома и правда близко от бара: не в паре домов, как он говорил, но наша морозная прогулка длится не более пяти минут, после чего мы останавливается у пятиэтажного жилого дома старого образца. С большой парадной дверью, величественными огромными окнами – такие дома строили в середине прошлого столетия. Я помню, что нам рассказывали о них на лекциях, но с историей архитектуры я не дружила, поэтому мои познания заканчиваются на этом факте.

Я молча курю, пряча то одну, то вторую руку в туго набитый карман шубы. Рома поправляет капюшон толстовки, торчащей из-под пуховика, выкидывает окурочек и быстро закуривает новую сигарету.

– Вот мы и пришли, – судя по отвердевшему голосу, про-

гулка тоже положительно повлияла на его самочувствие. – Я покурю ещё, потому что дома с этим есть некоторые сложности.

– А что за сложности? – спрашиваю я, переминаясь с ноги на ногу от холода.

– Ну, я сейчас не курю дома, потому что у нас гостят родственники с детьми, а с лестниц меня гоняет сосед, которого бесит запах сигарет.

– Многим не нравится, когда курят на лестнице и оставляют после себя окурки, – замечаю я, чувствуя, как от морозного ветра начинает сводить скулы. – К счастью, у меня дома в этом плане полный порядок, так как есть персональный балкон с большим креслом и пепельницей. Но обычно я курю на кухне.

– Балкон – это хорошая вещь, – соглашается Рома, опрометчиво выпустив мне в лицо струю дыма. – Извини! Балкон – это круто, но в нашем доме они начинаются только с третьего этажа, и мы не попали в число счастливчиков.

– Дай угадаю. Ты живёшь на первом этаже?

– Не угадала. На втором. Пошли домой, холодно, – Рома открывает уличную дверь, и мы заходим в огромный подъезд с высокими потолками и широкой лестницей, ведущей к лифту.

Обжигающий кожу мороз остаётся позади, и я с облегчением выдыхаю, достав из кармана вторую руку. Мы поднимаемся два пролёта, сетуя на неожиданное похолодание,

которое застало всех врасплох, и останавливаемся у высокой красной двери с номером «21». Пока Рома перебирает ключи – на связке их не меньше пятнадцати – я рассматриваю высокие стены, большие окна с широкими подоконниками, старый лифт, который, кряхтя, словно старый дедушка, ленивый потащился наверх. Я перевожу взгляд на дверь – и мои глаза останавливаются на старомодной резьбе. Какая замечательная дверь: высокая, под стать местным стенам, двустворчатая, старого образца. Сейчас никто такие не изготавливает – все современные двери куют из производственных прочных металлов, обтягивают кожей и вешают на них безвкусные позолоченные ручки. Но этот кусочек добротной старины похож на вход в сказочную страну. У неё потрясающий редкий оттенок красного: не банальный алый, не новомодный малиновый, а скорее что-то между оттенками «кармин» и «сангрия». Сложная красивая резьба из мелких узоров обрамляет старый замок – такие иногда заедают, но веками верно оберегают то, что спрятано по ту сторону. Дверь кажется тёплой – возможно, потому что мои руки превратились в ледышки за время нашей прогулки, но мне кажется, что это её особая магия. Пока мои глаза скользят по мелкой резьбе, Рома с видом медвежатника возится в замке. Когда ему удастся повернуть ключ, издав при этом в ночной тишине подъезда громкий механический хруст, он непривычно тихо обращается ко мне:

– Не шуми только, дома все спят. Сейчас зайдёшь и иди

прямо по коридору, потом поверни налево. Поняла? Не споткнись нигде. В моей комнате делай что хочешь, но в коридоре не шуми.

Я молча киваю ему, и он даёт мне зайти первой. Я попадаю в полутёмную прихожую, которая перетекает в длинный узкий коридор, освещенный тусклым светом абажура. Классическая коридорная планировка старых квартир – я видела такие планы в учебниках по проектированию, но мне ни разу не удавалось побывать в таких квартирах самой. Я – вечный обыватель новостроек, и никогда не бывала в домах старше десяти-двенадцати лет.

– Прямо иди, Карина, – шипит он мне в ухо. – Вот тут можешь разуться. Да. Шубу у меня в комнате положи, – Рома даёт мне директивные напутствия в квесте по тёмному коридору, и я пробираюсь вперёд, пытаюсь не налететь на тумбы с обувью и раскиданные игрушки. – Теперь направо. Мы пришли. Заходи, я сейчас приду.

Я опасливо захожу в комнату: будто в её тёмных недрах прячется какой-нибудь персонаж из фильма ужасов, готовый наброситься на меня из темноты. Я наугад нащупываю на стене выключатель, и большая комната – вот это да, какая же она большая! – озаряется прохладным светом. Вот это объём! От восхищения я тихонько присвистываю. Сколько же здесь кубов пространства – я задираю голову, чтобы прикинуть высоту потолков – да тут метра четыре, не меньше! Как же здорово можно было бы использовать всё это

пространство! Это же идеальная высота для навесных потолков! Я пытаюсь придержать свою фантазию в узде и начинаю осматриваться: здесь столько интересных деталей, что я быстро переключаю своё внимание на них.

Настоящая живая комната. Я и забыла что это такое – небольшой беспорядок, книги с потрепанными корешками, разбросанная одежда, полное несоответствие цветовой гаммы и стиля. Последние годы я жила в мире идеальных выхолощенных интерьеров, безупречных квартир со свежим ремонтом и продуманными мелочами вплоть до цвета молнии на диванной подушке. В домах, где я жила и работала, установлена самая лучшая техника, красуется мягкая мебель без пятен от сока и собачьей шерсти, книжные шкафы выровнены по стене, а на полках – стеклянные вазы и две-три книги, для яркого акцента. Ковры, шторы, обивка кресел, пледы, подушки – всё настолько идеально сочетается по цвету и текстуре, что даже самый придирчивый колорист не найдёт повода для замечания. Всё идеально – совершенно, прекрасно, стильно и новомодно. И бездушно.

Я перевожу свой взгляд с одного угла комнаты на другой, ощущая в себе какие-то новые эмоции при оценке интерьера. Мои клиенты показывают мне свои безвкусные комнаты, от одного вида которых меня воротит. Я только и успеваю посмеиваться над отвратительным китайским ковром с блошиного рынка, разными стульями за одним обеденным столом и стенами, безвкусно обклеенными фотографиями и вырез-

ками из журналов. Но сейчас все мои жёсткие клише и стереотипы уходят от меня по-английски, оставив в одиночестве среди этой музыкальной обители бардака, хауса и настоящей жизни. Я обнимаю шубу, как большую мягкую игрушку, и начинаю экскурсию по совершенно новому для себя миру.

Большую часть этого пространства – не нужно долго теряться в догадках, чем занимается её обитатель – занимает широкая двуспальная кровать. Нет, не в том плане, что кровать выглядит как-то неприлично и вся закидана использованными презервативами и женским бельем – все дело в технических проводах. Ими усеяна половина кровати: толстыми, тонкими, цветными, чёрными, перемотанными изолентой, с непонятными переходниками, к которым крепятся небольшие коробочки, похожие на жесткие диски для компьютера. Их так много, что мне трудно представить, куда разом можно все их подключить и с какой целью. Напротив двери, в углу, стоит не то большое кресло, не то маленький двухместный диван – как и кровать, он весь усеян проводами, словно летнее поле – васильками. Рядом с гнездом проводов и кабелей – скиданные в кучу ноутбуки, планшеты и куча другой техники, назначение которой мне не до конца понятно. Над странным гибридом кресла и дивана – встроенный в стену книжный шкаф, который я своим вниманием обделяю, так как не интересуюсь книгами.

В противоположном углу большой комнаты – письменный

стол, поверхность которого логическим образом продолжает широкий подоконник. Ничего удивительного, ведь самый удачный вариант планировки рабочего места именно у окна, с видом на улицу и окружающий мир. Работаешь ты час, два, три, глаза устают от экрана монитора, руки уже не могут ни рисовать, ни писать, а голова раскалывается от обилия информации – и как же хорошо на минутку высунуться из «себя» наружу. Посмотреть на улицу, на медленно падающий снег, гудящие в пробке машины, зеленеющий весенний парк, кричащих детей, резвящихся с фрисби собак. Правда, вид из этого окна более посредственный, чем у меня – никакой нежной зелени парков и милых скверов с голубыми лавочками. Лишь такой же задумчивый старый дом напротив, оживлённое шоссе, вдоль которого, не смотря на поздний час, прогуливаются люди. На их лицах улыбки, в руках бенгальские огни. На дворе разгар праздников, не удивительно, что в центре так много народа. Все встречаются с друзьями, ездят по каткам, ходят в гости на оливье и шампанское и ни в какую не хотят сидеть дома. Я тоже пошла на поводу у этой праздничной суеты – в кое-то веки выбралась из дома и сейчас я здесь – в гостях у своего прошлого. Во всем виноваты глинтвейны. В трезвом состоянии я бы ни за что сюда не пошла, и вообще я скоро поеду домой... Ого! Пианино! Не заметила его сразу: старый инструмент накрыт шерстяным покрывалом в мелкий цветочек, простаивает под тонким слоем пыли – на нём не играют. Его исполь-

зуют как полку под книги и склад пустых пачек из-под сигарет и бутылок. На клавишах – семь или восемь смятых коробочек «Винстона» и «Верблюда», пара зажигалок, бутылка «Джека» и «Белой лошади». Никотиново-алкогольный голод Романа не знает начала и края. Мне не интересны сигаретные пачки, и я устремляю своё внимание дальше. За пианино, перпендикулярно ему и письменному столу, стоит что-то ещё, тоже спрятанное покрывалом. Я не могу понять, что это и пытаюсь отодвинуть краешек тяжёлого пледа, как в комнату, постукивая бокалами и бутылкой с виски, входит Рома. Он одаривает меня пренебрежительным взглядом, отчего я резко выпрямляюсь, словно провинившийся рядовой при виде старшего по званию.

– Шпионишь тут? – он закрывает за собой дверь и ухмыляется. – Чего стоишь в обнимку с шубой? Не украдет её никто. Положи её вот там, на диван. Располагайся, Карина, чего стоишь как не родная? Пить-то будешь? Тебе виски с колой или соком? Нашёл грейпфрутовый только, другого нет.

– Спасибо. Я просто сок попью. Не люблю виски и вообще крепкий алкоголь, от его запаха меня сразу тошнить начинает, – я кладу свои вещи в указанное место и смотрю на Рому с большой долей неловкости. Мне становится некомфортно от всей этой ситуации, потому что – как правильно сказала Лара – я слишком давно не была ни каких свиданиях и личных встречах. Наверно, мне стоит представить, что мы с ним сейчас будем говорить о работе. Вроде как это мой новый

клиент, который хочет преобразить свою захламленную музыкальную альма матер и придать ей немного гранжа. Меня это успокоит, и в голову перестанут лезть паникерские мысли, чем закончится этот вечер, если Рома и дальше будет столько пить и язвить в мой адрес.

Хозяин дома велит мне не путаться под ногами и сесть на кровать – я послушно забиваюсь в самый угол, ощутив, насколько мягок матрас. Кровать застелена большим покрывалом – материал: синтетика и немного хлопка. Не самый лучший вариант, потому что летом спать под ним жарко и липко, а зимой – холодно. Покрывало роскошного цвета лазури, с хаотично нарисованными жёлтыми солнцами и голубыми месяцами. Надо же – рисунок почти в точности повторяет мою первую татуировку, только я выбрала более нежные пастельные оттенки. Вот и бери после этого эскизы с Интернета, чтобы щеголять с лопаткой как расцветка чьего-то постельного белья. Зря я поленилась и не нарисовала что-то более уникальное – было бы неплохо добавить к рисунку немного виньеток и усложнить композицию облаками и звёздами. Это забавное сходство веселит меня, и я глупо улыбаюсь. Рома не может не спросить, что забавного я нашла в его кровати.

– Да не буду я к тебе приставать, успокойся, Карина. Провода я сейчас уберу, – я сижу на свободном островке кровати, поджав под себя ноги, и бросаю взгляд на небольшую прикроватную тумбу со стеклянной столешницей. На ней

навалено ещё больше сигаретных пачек, чем на пианино, а так же пара ручек и небольшая коробочка для сигарет. Обычный железный портсигар – светлых оттенков, с какой-то рекламной табачной надписью. Рома отодвигает всё это в сторону и расставляет стаканы, пакет сока, колу и бутылку виски – и снова «Белая лошадь» появляется в нашей компании, цокая копытами и трясая гривой. – Ну, значит, мне больше достанется, раз ты такая приличная трезвенница-язвенница. Хорошо, что жизнь тебя чему-то учит, и ты больше не наливаешься и не пристаешь к мальчикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.